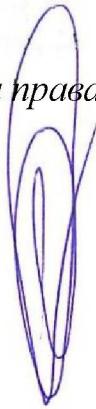

На правах рукописи

Груздев Владимир Сергеевич

**РЕАЛИЗМ В ЮРИСПРУДЕНЦИИ:
ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ И ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ**

**Специальность: 12.00.01 - Теория и история права и государства;
история учений о праве и государстве**

**АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
доктора юридических наук**

Москва - 2021

Работа выполнена в Федеральном государственном бюджетном учреждении науки
Институте государства и права Российской академии наук

Научный консультант:

Горбань Владимир Сергеевич,
доктор юридических наук

Официальные оппоненты:

Васильев Антон Александрович,
доктор юридических наук, доцент,
директор юридического института,
заведующий кафедрой теории
и истории государства и права
Алтайского государственного университета

Корнев Виктор Николаевич,
доктор юридических наук, профессор,
проректор по научной работе,
заведующий кафедрой конституционного права
им. Н. В. Витрука Российского государственного
университета правосудия, Почетный работник
высшего профессионального образования РФ

Фролова Елизавета Александровна,
доктор юридических наук, доцент,
профессор кафедры теории государства
и права и политологии Московского
государственного университета
имени М. В. Ломоносова

Ведущая организация:

Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего образования
«Российский университет дружбы народов»

Защита состоится «16» ноября 2021 г. в 14:00 на заседании Диссертационного
совета Д.002.002.07 Федерального государственного бюджетного учреждения
науки Института государства и права Российской академии наук по адресу: 119019,
г. Москва, ул. Знаменка, д. 10.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Федерального государственного
бюджетного учреждения науки Института государства и права Российской
академии наук и на сайте www.igpran.ru

Автореферат разослан «___» _____

Учёный секретарь
Диссертационного совета,
кандидат юридических наук, доцент

Колотова Н. В.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы диссертационного исследования. Фундаментальная юридическая наука в современном мире стоит перед сложными и острыми проблемами, разрешение которых необходимо для обеспечения устойчивого социального развития, эффективного государственного управления в условиях распространяющихся в наше время политических и иных кризисов¹ и конфликтов, использования в долгосрочной перспективе лучших достижений научно-технического прогресса на благо человечества, удовлетворения потребностей человека в прочном правопорядке, ценностные и функциональные характеристики которого отвечают высоким и лучшим стандартам цивилизованного правосознания и правовой культуры.

Мировая юридическая наука с учетом и в совокупности разнообразных познавательных моделей и подходов философского, теоретического, социологического, психологического, политического характера вынуждена сегодня в основном приспосабливаться к темпам и результатам трансформации многих жизненных процессов, технологическим новшествам и революционным сдвигам, брожениям социокультурной среды, формирование которой пока что находится в процессе поиска оснований надежных компромиссов, устойчивых форм существования и взаимодействия. Такое состояние поспевающего развития во многом связано с неразъясненностью или искажением проблемы реальности права, которая часто эксплуатируется в угоду самым причудливым и нередко произвольным мировоззренческим практикам и научным парадигмам. Так, радикальные варианты современного правового эмпиризма, например, т. н. «новый правовой реализм» фактически отменяют проблему права как таковую, объявляя непригодными для «новой» онтологии права любые традиционные понятия и структуры правопознания и правопонимания, такие как правопорядок, правовая система, юридическая сила, законность и т. д. Самодостаточной смысловой

---

¹ См.: Савенков А.Н. Государство и право в период кризиса современной цивилизации. М., 2020.

единицей объявляется регулятивный эффект, фиксируемый статистически, а то, каким средствами он достигнут, неважно; общий результат будет называться правом. В связи с этим упрек И. Канта оказывается чрезвычайно актуальным: «Чисто эмпирическое учение о праве – это голова (подобно деревянной голове в басне Федра), которая может быть красива, но, увы, безмозгла»². В свою очередь, проблема трактовки правового реализма с позиции рационалистических, культурологических, социально-исторических, гносеологических и иных аргументов, непрерывно сопровождающих эволюцию юридической и политической мысли в Новой и Новейшей истории, остается зачастую под влиянием ограниченного набора критериев об ориентации на практику, умеренной антипатии к идеализму, достаточности инструментального понимания истины в праве и т. п.

Проблема реализма и реалистического в праве резко обостряется в условиях разрыва³ и отчуждения друг от друга социальной реальности и виртуальной (сконструированной) реальности. Не менее существенным является вопрос о преодолении напряженностей между объективной реальностью и ростом запросов и ожиданий в реальности субъективного. Множатся и попытки пересоздания базовых онтологических характеристик как самого права, так и опосредующих его институциональных и ментальных факторов и структур, а также случаи явной радикализации сквозной фундаментальной проблемы соотношения рациональных и эмпирических аспектов понимания права.

Постсоветское правоведение решительно занялось конструированием «новых» онтологий права, создав несколько вариантов, дополняющих привычную для отечественной юридической науки трактовку правовой реальности на началах материалистической диалектики. Однако в основном современные трактовки правовой реальности в теоретическом плане обновляют известные ракурсы и подходы, большинство которых сложилось преимущественно во второй

² См.: Кант И. Собрание сочинений в восьми томах / Пер. Н.М. Соколова, А.А. Столярова. М., 1994. Т. 6. С. 253.

³ Т.Я. Хабриева и Н.Н. Черногор справедливо отмечают значимость и остроту проблемы разрыва шаблонов реальности. См.: Хабриева Т.Я., Черногор Н.Н. Будущее права: наследие академика В. С. Стёпина и юридическая наука. М., 2020.

половине XIX — начале XX вв. Вместе с тем речь идет о том, что новые концепции правовой онтологии, теоретически разъясняющие или конструирующие модели (образы) правовой реальности, обновляют и расширяют набор существующих в истории политической и правовой мысли, а также теоретическом и философском правоведении, практик по использованию такого фундаментального гносеологического приема, как реализм. С.Л. Рубинштейн отмечал: «...характеристика самого бытия оказывается гносеологической — только как внеположность сознанию, только как объекта познания, в отношении к познанию. Человек находится внутри бытия, а не только бытие внешне его сознанию»⁴.

Сегодня очевидный пробел обнаруживается в связи с отсутствием понимания реализма в сфере правопознания и юридической теории как универсального конститутивного метода, который отнюдь не ограничивается наивно-проекционными или прагматически-инструментальными трактовками. По сути дела, правовой реализм — это стратегия правопознания, которая в концептуальном виде исходит из сознательной онтологизации права и его сущностных доминант, как образующих определенный тип реальности (и не только внешний сознанию, например, в виде реальности субъективного, пребывающей для соответствующих подходов принципиально как тип правовой реальности). Такой подход по необходимости способствует эффективному методологическому переносу онтологических характеристик, уровней и параметров бытия права в сферу выявляемой или конструируемой правовой реальности (реальности права), выбор которой обуславливается во многом различными философскими основаниями. В разнообразных вариантах субъективизма в области юридической мысли реализм зачастую рассматривается как значимый компонент разъяснения и определения закономерностей субъективного. Если у субъективного нет собственной реальности, то он превращается в пустой солипсизм или скептицизм.

В западной философско-правовой и юридической литературе проблема употребления этого приема (стратегии) правопознания и правопонимания,

---

⁴ См.: Рубинштейн С.Л. Бытие и сознание. Человек и мир. СПб. [и др.], 2003. С. 6.

пройдя различные этапы эволюции, не получила надлежащего разрешения и не приобрела устойчивого содержания. Оформившись в XIX в. во французской и английской социально-философской и социологической, а также немецкой философской и юридической литературе, правовой реализм оказал значительное влияние и на русскую, позже – на американскую и скандинавскую юридическую мысль. Однако во второй половине XX в. и по настоящее время правовой реализм почти повсеместно редуцируется до последних двух региональных ракурсов, которые представляют лишь частный случай применения этой гносеологической стратегии.

В свою очередь, на основе американской версии социологического исследования правосудия и социальных функций права (американский правовой реализм) в последующем, уже во второй половине XX в. и позднее, появилось множество вариантов pragmatизма или реализма с приставкой «нео». О существовании американской юридической реалистической теории, в отличие, например, от pragmatизма психолога и философа У. Джеймса, узнали лишь во второй половине XX в. А значительные пласти предшествующего теоретического наследия европейских и русских юристов, связанного с разъяснением проблемы правового реализма, остаются малоизученными и сопровождаются неточными характеристиками.

В новейшей философской литературе отмечается разворот к реализму (В.А. Лекторский и др.), активная разработка фундаментальных аспектов «социологии жизни» как стратегии познания⁵. В связи с этим проблема разъяснения, обобщения и разработки концептуального правового реализма не как партикулярного ракурса, а как базовой универсальной стратегии правопознания становится очевидно актуальной и значимой не только в научно-познавательном, но и социально-культурном плане.

Самое чувствительное и уязвимое место права – это его онтологический статус. Влияя деформирующими или иным образом на понимание, признание и

---

⁵ См.: Тощенко Ж.Т. Социология жизни как теоретическая концепция // Социологические исследования. 2015. № 1. С. 106–116.

интерпретацию онтологических характеристик права, возникает опасная ситуация с редуцированием права до вспомогательного, ручного инструмента, теряющего всякую самостоятельность и служащего любым произвольным целям, намерениям и практикам.

Проблематизация идеи права непременно предполагает сознательную онтологизацию, выступающую по необходимости условием фиксации, распознания и разработки его как самостоятельных сущности и явления. Ниспровержение или искажение онтологических характеристик права становится выгодным лишь для попыток девальвации его самостоятельного значения, социальной ценности и функций, замены его произвольными политическими суррогатами и узкогрупповыми программами, пересоздания ценностных оснований мировозрenchеских моделей социального, политического, экономического и правового общения и взаимодействия в современном мире.

Многообразие типов правового реализма неизбежно требует обобщения их характерных черт и разъяснения эвристических возможностей использования этого приема (стратегии): правовой реализм может выступать в роли социологического, психологического, наивно-проекционного, метафизического, логического, гносеологического, формально-правового, прагматистско-инструментального и других вариантов. И в каждом случае в рамках соответствующей концепции или подхода обосновывается соответствующий тип реальности права. Иначе любая теоретическая модель интерпретации права является продуктом произвола фантазии и отрицает за правом всякую самостоятельность и как сущности, и как явления. Кроме того, надо признать, что попытки редуцировать правовой реализм до набора методологически значимых установок прагматистско-инструментального обращения с правом одновременно означают, что все иные юридические концепции должны тогда рассматриваться как правовой «не-реализм» в виде правового идеализма или даже «правовой фантастики». Но это, конечно же, явное искажение содержания существующих представлений о праве.

Правовой реализм как целостная и единая тема, как концептуальный (в противоположность непосредственному или наивному реализму в области

права), до сих пор оставался неисследованным в юридической литературе. Отдельные аспекты правового реализма, в основном в виде описания региональных версий, распространенных в некоторых странах, были объектом внимания исследователей и ранее, но вопрос о природе концептуального правового реализма, обобщении его специфических характеристик, природы и значения в современных парадигмах научного знания в области права не ставился. В действительности рядом современных исследователей в основном обозначается в качестве исходной юридико-реалистическая установка исследования и трактовки права, популярная на протяжении XX в. и в наше время в США и скандинавских странах, а затем ее схематичные критерии транслируются на проблематику выявления и идентификации правового реализма вообще. Такой подход в корне неверен, так как достаточно произвольно и односторонне подменяет сущность проблемы расстановкой приоритетов в пользу одного из партикулярных проявлений ее сути.

Степень разработанности темы исследования. Вопросы реализма и его значения как гносеологического подхода в области философии на протяжении многих веков привлекали внимание мыслителей, философов, учёных. Однако применительно к области научного и философско-правового познания права проблема реализма в значительной степени была актуализирована лишь в эпоху дисциплинарного оформления теории права и признания социально-исторической обусловленности права в качестве доминанты научного мышления о праве, что хронологически соответствует XIX в. В последующем наблюдается лишь развитие реализма. Учитывая это обстоятельство, значимым для отбора источников исследования и анализа степени разработанности темы был обзор прежде всего релевантных материалов, сочинений и текстов именно в контексте реализма и концептуального использования реалистических аргументов в юриспруденции, включая философию права.

В отечественной философско-правовой и теоретико-правовой традиции отдельные аспекты проблемы реализма в юриспруденции активно начали разрабатываться с конца 1860-х гг. Прежде всего, это работы В.И. Сергеевича, Б.Н. Чичерина, П.В. Деларова, С.А. Муромцева. В 1880 гг. к этой группе

присоединяются исследования Н.М. Коркунова, П.В. Пахмана. В дальнейшем вопросы реалистических интерпретаций правовой проблематики разрабатывались в исследованиях Г.Ф. Шершеневича, Л.И. Петражицкого, Б.А. Кистяковского, И.А. Ильина, Ю.С. Гамбара, В.М. Хвостова, И.А. Ильина, И.А. Покровского, Э.Э. Понтовича⁶, Е.В. Спекторского⁷ и др.

Советская теория права принципиально следовала материалистической трактовке социального познания. При этом именно в советской философско-психологической литературе фундаментальную разработку получили вопросы о связи психики и деятельности, различении объективного значения и субъективного смысла и др., которые имеют принципиальное значение для любой реалистической трактовки права. Кроме того, в советской юридической литературе (работы М.А. Рейснера, Е.Б. Пашуканиса, М.Д. Шаргородского, В.А. Туманова, В.Н. Кудрявцева, В.П. Казимирчука, Д.И. Луковской и др.) освещались важные аспекты реалистических юридических теорий.

Постсоветский период ознаменовался разработкой онтологической проблематики права в духе возврата к субъектоцентристской философско-методологической традиции, использованию феноменологического подхода. Эта тенденция актуализировалась логикой перемен в общественно-политической жизни, отказом от прежних социальных учреждений и догматических требований в пользу «новых» онтологий права и теоретически пересоздаваемых, «конструируемых» видов правовой реальности. В этом отношении серьёзные исследования проводились С.С. Алексеевым (о праве как объективной реальности, но строго в антропоцентристской перспективе)⁸, Г.А. Гаджиевым⁹, В.П. Малаховым, А.В. Поляковым, И.Л. Честновым¹⁰ и другими авторами.

---

⁶ См.: Понтович Э.Э. Проблема государственной власти: [Философско-правовые этюды]. Петроград: [б. и.], 1919–1921. 1: Реализм в юриспруденции. 1919.

⁷ См.: Спекторский Е.В. К спору о реальности права. М., 1914.

⁸ См.: Алексеев С.С. Теория права. Екатеринбург, 2000.

⁹ См.: Гаджиев Г.А. Онтология права: (критическое исследование юридического концепта действительности). М., 2013.

¹⁰ См.: Честнов И.Л. Право как диалог: к формированию новой онтологии правовой реальности. СПб., 2000.

Проблемы правового реализма как гносеологической стратегии на основе преимущественно социологических аргументов (о познании реальных правовых процессов, об использовании «больших массивов данных» как доминанты эмпирически ориентированных правовых исследований, о трактовке права как сложной саморазвивающейся системы и др.) исследуются в работах Ю.А. Тихомирова, академика РАН Т.Я. Хабриевой¹¹.

Отдельно внимания заслуживают работы В.Г. Графского, в которых в разных аспектах разрабатывался подход к изучению истории правовых и политических учений с позиции усиления внимания к их конкретно-исторической обусловленности и социально-практической нацеленности. Именно ему принадлежит заслуга выделения в аналитической структуре политических и правовых учений прошлого и настоящего социально-практического компонента наряду с теоретическим (философским или логико-понятийным) и конкретно-историческим компонентами¹².

В либертарной концепции правопонимания В.С. Нерсесянца проблема реализма правопонимания занимает важное место, будучи представленной в виде следующего оригинального решения: сочетания философского реализма (платоновско-гегелевского типа), т. е. обоснования объективной сущности права как принципа формального равенства, и при этом признания его апостериорного, социально-исторически обусловленного характера¹³.

Проблемы реализма в области правопознания рассматриваются в работах К.В. Агамирова (акцентирующего внимание на научной разработке стратегии совершенствования правовой системы как практической функции теории права)¹⁴,

¹¹ См.: Хабриева Т.Я., Черногор Н.Н. Будущее права: наследие академика В. С. Стёпина и юридическая наука. М., 2020; Научные концепции развития российского законодательства / [Нарышкин С.Е. и др.]. 7-е изд., доп. и перераб. М., 2015.

¹² См.: Графский В.Г. Государство и технократия: ист.-критич. исслед. М., 1981; Его же. Проблема взаимоотношений власти и знания в истории политической мысли: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1992.

¹³ См.: Нерсесянц В.С. Право и закон: из истории правовых учений. М., 1983; Его же. Философия права. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2013.

¹⁴ См.: Агамиров К.В. Юридическое прогнозирование как фактор совершенствования российской правовой системы. М., 2021; Его же. Прогностические проблемы

А.А. Васильева, В.С. Горбаня, В.Н. Жукова, И.Ю. Козлихина, В.Н. Корнева, В.В. Лапаевой, Д.И. Луковской, О.Ю. Рыбакова, В.М. Сырыха, Е.В. Тимошиной, Е.А. Фроловой и др.

Показательны идеи сборника материалов 11 конгресса Международной ассоциации социальной и правовой философии (Хельсинки, 1983 г.), вышедшего в 1986 г.¹⁵, в котором авторы обсудили тему «социологической юриспруденции и реалистических теорий права». В сборнике среди прочих опубликован доклад В.С. Нерсесянца, посвященный вопросам философско-правовых и историко-правовых аспектов генезиса юридического позитивизма. Примечательно, что проблема реалистических теорий права менее заметна в социологической юриспруденции и ее философско-правовых основаниях. Сборник состоит из разделов: «право и общество перспективе философии права», «теории права в перспективе социологии права», «предпосылки и следствия правового реализма». При этом правовой реализм в основном редуцирован до отдельных фрагментов позиций скандинавских реалистов; даже американскому реализму посвящен всего лишь один доклад.

Методологическое значение реализма как важного гносеологического приема в исследования социальных девиаций и иных аспектов проблематики правовых патологий глубоко проанализировано и раскрыто в работах академика РАН В.И. Жукова и члена-корреспондента РАН А.Н. Савенкова¹⁶.

совершенствования правовой системы, законотворчества и социального механизма правореализации. М., 2016.

¹⁵ См.: Soziologische Jurisprudenz und realistische Theorien des Rechts: [11. Weltkongress, Helsinki 1983, Verhandlungen] / hrsg. von Eugene Kamenka ... Vorw. von Aleksander Peczenik. Konferenz: Weltkongress. Internationale Vereinigung für Rechts- und Sozialphilosophie; 11 (Helsinki): 1983. Berlin, 1986.

¹⁶ См.: Жуков В.И. Актуальные проблемы философии, социологии и психологии права: сборник докладов. М., 2019; Савенков А.Н., Жуков В.И. Социология правовых девиаций и социальных аддикций: [социология права в Российской империи, гносеологические основы социологии права, правомерное и противоправное поведение, социологические методы изучения преступности]. М., 2019.

Проблемы правовой онтологии привлекают внимание исследователей из других общественных наук: сошлемся, к примеру, на работы О.В. Крет¹⁷, А.В. Колыбанова¹⁸, Т.Х. Гафарова¹⁹, И.С. Кувшинова²⁰.

Существенный вклад в разработку и исследование проблемы реализма в социальной философии вносят труды Э.В. Ильенкова, В.А. Лекторского, А.Н. Леонтьева, М.К. Мамардашвили, Т.И. Ойзермана, С.Л. Рубинштейна, В.С. Стёпина, Ж.Т. Тощенко и др.

В зарубежной литературе разработкой реалистических подходов к праву и исследованием соответствующих направлений анализа правопознания и право-понимания занимались прежде всего юристы и философи США, Англии, скандинавских стран, Германии, Франции. Среди предметных исследований реалистического подхода к праву следует отметить работы П. Атии, К. Бергбома, М. Вебера, Э. Гэрлана, Э. Дюркгейма, Г. Еллинека, Ф. Жени, Р. Иеринга, Г. Канторовича, Б. Кардозо, Ф. Когена, Б. Лейтера, К. Ллевеллина, А. Меркеля, К. Оливекроны, Р. Паунда, А. Росса, К. Савиньи, Б. Таманахи, Д. Триппа, Ф. Хека, О. Холмса, К. Шмитта, Р. Штаммлера, В. Этгеншвилера, Е. Эрлиха и других авторов.

Обзор литературы по теме исследования, выполненный с учетом многочисленных иностранных источников (на английском, немецком, французском и шведском языках) и редких изданий, позволил сделать вывод о том, что проблема реализма в юриспруденции (философии права, теории права, социологии права, историческом правоведении) как единая тема ранее не исследовалась. Контрастная партикуляризация реализма в юриспруденции во второй половине

¹⁷ См.: Крет О.В. Правовая реальность: онтолого-гносеологический анализ: дис ... канд. философ. наук. Тамбов, 2007.

¹⁸ См.: Колыбанов А.В. Онтология права, экспозиция проблемного поля: дис. ... канд. философ. наук. Самара, 2003.

¹⁹ См.: Гафаров Т.Х. Диалектика сущего и должно в правовой реальности: дис ... канд. философ. наук. Магнитогорск, 2008.

²⁰ См.: Кувшинов И.С. Философский анализ гносеологических аспектов правовой реальности: дис ... канд. философ. наук. Магнитогорск, 2002.

XX в. до нескольких региональных направлений способствовала искажению истории этого гносеологического приема.

Объект диссертационного исследования составляет фундаментальная теоретико-методологическая проблема реализма в сфере правопознания и право-понимания в совокупности ее сущностных и содержательных характеристик.

Предмет диссертационного исследования образуют разнообразные подходы к интерпретации проблемы реализма в юриспруденции в учениях и теоретически оформленных представлениях мыслителей прошлого и современности, специфика обоснования и употребления реализма в новейшей зарубежной и отечественной юридической теории, а также перспективы реализма в современной философии права и юриспруденции.

Целью диссертационного исследования является обобщающее рассмотрение концептуального правового реализма как парадигмы правопознания и право-понимания в контексте его генезиса, типологии, основных трактовок и направлений разработки. Для достижения указанной цели были поставлены следующие задачи:

- обобщить и проанализировать подходы в отечественной и зарубежной литературе к трактовке и обоснованию реализма как теоретико-методологической установки и приема познания и принципа понимания права;
- выявить и проанализировать основные направления эволюции и типологии концептуального правового реализма;
- исследовать понятие деятельности как смысловой характеристики правового реализма, юридической практики, а также особенности трактовки проблемы искусственной правовой реальности;
- проследить и проанализировать наиболее значимые направления эволюции правового реализма и его отдельных аспектов в истории западноевропейской и скандинавской правовой мысли;
- исследовать специфику американского правового реализма и его философско-методологических оснований в контексте соотношения с общей историей развития реализма в юридической науке;

- изучить и определить роль реализма среди доминант в истории русской юридической мысли.

Методологическая и теоретическая основа исследования. Диссертационное исследование основано на применении различных методов и познавательных практик, которые в своей совокупности способствовали достижению цели и решению задач исследования.

Методологически оправданным было использование проблемно-критического анализа при оценке содержания и характера правовых концепций и направлений юридической мысли в новейшей истории, использующих реализм как специфическое смысловое название для характеристики своих идей и научных программ. Именно критическое рассмотрение, в отличие от некритических интерпретационных практик, позволило выявить неадекватность некоторых наименований концепций и подходов как реалистических, которые в действительности значительно больше тяготеют к использованию внереалистических аргументов: иррационализма, интуитивизма, мистического психологизма, символизма и т. п.

Методология исследования опирается на традиционные для истории политических и правовых учений методы и практики изучения теоретически оформленных взглядов мыслителей прошлого и современности. Ключевую роль при этом играли такие приемы работы с идеями зарубежных авторов, как изучение оригинальных текстов, программных заявлений (материалов конференций, симпозиумов и выступлений), прослеживание связи учений прошлого и современности, анализ вовлеченности в обсуждение традиционных вопросов и тем юридической проблематики и др.

Теоретической основой исследования послужили работы таких ученых, как С.Н. Бабурин, М.И. Байтин, Т.А. Васильева, Н.В. Варламова, Д.В. Дождев, В.В. Ершов, Д.А. Керимов, А.Д. Керимов, С.В. Кодан, И.Ю. Козлихин, Н.В. Колотова, А.В. Корнев, В.Н. Корнев, С.В. Королев, В.Н. Кудрявцев, Л.Е. Лаптева, С.В. Липень, Е.А. Лукашева, М.Н. Марченко, В.С. Нерсесянц, Н.С. Нижник, Т.Е. Новицкая, А.И. Овчинников, Р.А. Ромашов, Е.А. Фролова, В.Е. Чиркин, Ю.Л. Шульженко, А.И. Экимов и др.

Научная новизна диссертационного исследования заключается в том, что оно представляет собой первое монографическое исследование концептуального правового реализма как философской и методологической парадигмы правопознания и правопонимания в контексте ее генезиса, типов и основных направлений теоретической разработки и практического употребления.

Разнообразные аспекты научной новизны диссертационного исследования проявляются:

во-первых, в разработке проблемы реализма в юриспруденции как *целостного явления* (в противоположность локальным и региональным интерпретациям) и *сквозной фундаментальной научной темы* в совокупности ее философско-методологических оснований, значимых этапов эволюции в истории правовой мысли, существенных аргументов и основных смысловых характеристик, а также с точки зрения партикуляризации и обособления в региональных направлениях, идентифицирующих себя как разновидности правового реализма;

во-вторых, в уточнениях и разъяснениях лексических и идеально-эстетических характеристик языка юридической теории, оперирующей реалистическими аргументами и нацеленной на познание права как реального явления;

в-третьих, в наборе значимых уточнений относительно имеющейся в отечественной и зарубежной юридической литературе типологизации взглядов некоторых философов и правоведов как разновидностей правового реализма, а также в существенных уточнениях истории формирования правового реализма как гносеологической стратегии, что позволило обосновать понимание истории правового реализма как тенденции «онаучивания» юриспруденции в контексте перехода к естественно-научной парадигме верификации социально-научного познания.

Весомым дополнением к общей картине, фиксирующей содержание, роль и эволюцию реалистического подхода к праву, является анализ (практически неисследованных) фундаментальных сочинений П.В. Деларова о психологическом понимании права, появившихся значительно раньше концепции Л.И. Петражицкого. Это позволило совершенно по-новому оценить возникновение

психологических концепций права как в российской, так и зарубежной литературе. В диссертации исследованы и введены в научный оборот: малоизвестная и изданная после смерти К. Ллевеллина работа «*Право, правовая жизнь и общество*²¹; релевантная для темы исследования переписка О. Холмса с современниками; некоторые из ранее не переводившихся и малоизученных работ французских юристов и социологов Ф. Жени, Л. Леви-Брюля; ранние работы датского юриста А. Ресса; сочинения немецкого юриста Э. Вольфа.

Положения, выносимые на защиту:

1. Реализм в истории юридической мысли, пройдя путь многочисленных трансформаций и модификаций, приобрел характер сознательной гносеологической стратегии, которая опирается на реалистические аргументы как средство проблематизации, определяющая, оформления и разъяснения права. Центральной смысловой единицей в современной парадигме реализма в сфере правопознания выступает не разграничение реальных и отвлеченных аргументов и позиций, а артикуляция познания реальности права как конститутивного метода, позволяющего использовать онтологические характеристики и уровни в отношении права и правовых явлений независимо от наивно-проекционных представлений о праве как внешнем сознанию явлении.

2. В исследовании продемонстрировано, что многочисленные интерпретации и манипуляции с понятием реализма в сфере правопознания, начиная с активного распространения его как теоретико-методологической установки в начале XIX в., привели в последующем, в эпоху модерна и далее, к подмене реализма различными формами символизма и редукционизма, оперирующими при разъяснении проблемы реальности права, опыта, юридической практики понятиями иррационализма, интуиции, сознательного мистического психологизма и т. п.

---

²¹ См.: Llewellyn K.N. Recht, Rechtsleben und Gesellschaft. Aus dem Nachlaß herausgegeben von Manfred Rehbinder Schriftenreihe zur Rechtssoziologie und Rechtstatsachenforschung (RR), Band 40. 1977.

3. Реализм выступает закономерной оппозицией (идеалистическому) субъектоцентризму в тех случаях, когда необходимо обеспечить устойчивость развития – сохранение и сбережение социальных достижений вместо непрерывного реформирования. В этом смысле он выступает не как преимущество, а как величина, обеспечивающая равновесность и стабильность поступательного развития правосознания и правовой системы.

4. Реалистический подход в своей идейно-эстетической нацеленности раздвигает лексические границы научного языка юридической теории. Элементы обыденного, типового, фактического, жизненного (жизненные условия, потребности, нужды, переживания, интересы и др.) находят непосредственное отражение в языке правового реализма как гносеологической стратегии. В процессе теоретического и методологического оформлений соответствующего подхода реалистические характеристики права связываются с артикулированием биологических и иных естественно-научных понятий.

5. Преодоление узкого понимания правового реализма, редуцированного до набора практически ориентированных установок социально-психологического исследования правосудия или формулирования шаблонов правового поведения должностных лиц, позволяет решить проблему определения факторов устойчивого развития правовой системы и правосознания, а также обеспечить более эффективное использование этого приема при разработке направлений развития юридической теории, переосмыслении объективного значения основных юридических категорий и понятий: правовой идеи, правовой системы, правового субъекта, правосознания, правовой культуры, правовых ценностей и т.п.

6. Внутри понятий реализма, реальности и их производных заложены объективные ограничения, накладывающие отпечаток на любые теоретические конструкции, возникающие на основе использования этого приема (стратегии) правопознания и правопонимания: типизация образов (*«нормальный судья»*, *«нормальный ум»*, *«здоровая психика»*, *«нормальное или здоровое правосознание»*, *«шаблон поведения»*, *«универсальный тип»* и т. п.), стремление к универсализму, глубокому психологизму и детальному описанию правовых явлений, описанию

роли личности статистическими закономерностями (влияние среды и обстоятельств, социально-психологическое приспособление, прогнозирование применения публичной силы и т. п.).

7. Конструкция *реальности* в контексте субъективизма не исчезает, но испытывает на себе влияние всех атрибутов этого подхода. Она может быть как явной или имплицитной для определяния стратегии познания права, так и замаскированной (признание наивного реализма; подделка под реализм в связи с устремленностью согласовать свои идеи и положения с понятиями естественных наук: физики, психологии и т. п.; пристрастие к биологии и извлекаемым из нее описательным конструкциям).

8. В реалистической парадигме правопознания деятельностный подход позволяет выявить особенности возникновения и проследить основные этапы эволюции существенных характеристик реализма в учениях мыслителей прошлого и настоящего, в частности, путем разграничения таких важных аспектов правопонимания, как объективное значение права и придаваемый ему субъективный смысл.

9. В диссертации обосновано положение о том, что философы и юристы эпохи реализма (XIX в.) были далеки от мысли сводить роль права до простого технического инструмента правовой политики и юридической практики, и в этом смысле они коренным образом отличаются от будущих символических реалистов и современных неореалистов. Однако их сближает с последними вера в исключительный инструментальный потенциал юридической практики в деле переустройства правовой реальности – восприятия практики в качестве единственного и достаточного условия для проведения социальных преобразований и решения возникающих при этом проблем.

10. Значительная часть направлений и современных концепций правопонимания, увязывающих себя с реалистическим взглядом на проблему права, может рассматриваться как эмпирический феноменализм, представляющий собой, по существу, сочетание бессознательного и рационализма и отвергающий непосредственную социальную юридическую действительность. Правовая

реальность сводится в данном случае исключительно к явлениям, присутствующим в сознании, а основной смысловой единицей объявляется процесс абстрагирования и рационализации, против которого, как ни парадоксально, и выступают современные юристы-эмпирики.

11. Обосновано положение о том, что психологическая концепция права была сформулирована впервые в отечественной литературе П.В Деларовым (преимущественно на основе юмизма и позитивизма), а аналогичная концепция Л.И. Петражицкого появилась значительно позже (на основе феноменологии и позитивизма). В работе выявлена противоречивость психологического правового реализма в концепциях П.В. Деларова и Л.И. Петражицкого, которые, с одной стороны, перемещают онтологические характеристики права в сферу субъективного, объявляя истинным бытием права «*реальность право-психических феноменов*», а с другой стороны, разграничивают право (правовую систему) и правосознание как взаимно- и попеременно-действующие причинные факторы.

12. По существу социологической аргументации «реалистического» взгляда на природу правовых явлений американский правовой реализм является типичной разновидностью социологического номинализма, признающего лишь реальность одних индивидуальных поведенческих актов, инструментальный характер истины в праве и т. п. Реалистической в контексте данного регионального типа реализма может рассматриваться лишь нацеленность на идеино-эстетическое описание правовой (судебной) практики действительными (как есть, фактологически) аргументами. В основе американского и скандинавского правового реализма лежало предпочтение к описанию реальной, практической жизни, однако её воспринимали внесоциально и внеисторически.

13. Критически следует оценивать попытки представить правовой реализм в истории юридической мысли XX в. – начала XXI в. в качестве вполне самостоятельного направления практического правоведения, имеющего собственную проблематику, особый подход и свой набор понятий, которые якобы независимы от традиционных теоретических понятий. Отношение между правовым реализмом и *не*-реалистическими теоретическими юридическими концепциями

понимается крайне односторонне, как отношение двух принципиально равноправных разделов знаний, которые соприкасаются лишь в меру допускаемой близости, существующей между понятыми чисто эмпирически предметами их изучения. Вместе с тем «реалистическое» изучение функций правосудия приемами бихевиористического анализа и редукция правовой реальности до субъективно-личностного смысла в судебной и иной юридической деятельности (онтологический монизм) оказываются нередко неадекватными своему наименованию, игнорируют ключевые характеристики психологии деятельности и единство системы юридической науки.

14. В работе проанализированы актуальные направления в зарубежной юридической мысли (новый правовой реализм, умеренный инструментализм и др.), основой смысловой характеристикой которых является призыв к использованию реалистических способов познания и понимания права на новой парадигмальной основе (радикального или умеренного отказа не только от самого понятия права, но и от любых правовых понятий вообще). Одновременно выявлены недостатки этих течений: традиционный узконаправленный бихевиористический анализ судебной деятельности при пафосе масштабности решаемых задач создаёт парадокс отсутствия проблемы права (даже в смысле классических американских реалистов); методика новых реалистов в виде междисциплинарных практик и ориентации на анализ больших массивов данных остаётся в рамках социологических концептуальных подходов к праву; манипулирование традиционной правовой проблематикой приводит к воспроизведению и искажению идей предшественников.

15. Наиболее последовательной теоретико-методологической разработкой реализма в юриспруденции может рассматриваться в новейшей истории юридической мысли реальное учение о праве марбургского философа права Э. Вольфа. Среди отличий его учения (*о праве как естественном правовом законе и естественных правовых отношениях*) от основных позиций научного юридического позитивизма выделяется развернутое обоснование, что юриспруденция как наука о фактах и закономерностях (логических и специфически юридических) не

только не приводит к отождествлению права и государственных законов, но и что такое отождествление оказывается научно несостоятельным.

16. Важным направлением исследований проблемы реализма в юриспруденции в современных условиях становится разработка его исторической типологии, а также более углубленный анализ взаимосвязи философского и иных типов реализма. Развитие юридической теории, основных структур и функций правовой системы, состояния и основных доминант правосознания, обеспечение эффективного государственного управления и функционирования правосудия невозможны без адекватного истолкования проблемы реальности права и немыслимы без концептуального различия подлинно реалистических аргументов, с учетом различных типов реализма, и квази-реалистических, а также крипто-рационалистических позиций.

Теоретическая и практическая значимость диссертационного исследования. Диссертационное исследование имеет научно-познавательное значение, связанное с углублением и систематизацией существующих представлений о происхождении и особенностях употребления концептуального реализма в юриспруденции как гносеологической стратегии и принципа трактовки права. Теоретическое значение проведенного исследования и полученных результатов заключается также в обеспечении адекватности наших представлений о роли права в жизнедеятельности общества и государства, восполнении явных пробелов в освещении истории правовой мысли периода XIX–XX вв. в части формирования и использования понятия и установки реалистического познания в юриспруденции, их взаимосвязи с конкретными современными философскими и научными направлениями.

Результаты исследования имеют социально-культурное и социально-практическое значение, так как позволяют переосмыслить отношение к фундаментальным аспектам понимания направлений развития и раскрытия потенциала личности, общества, их взаимоотношений, а также правового обеспечения способов и средств эффективного решения социально-экономических задач и государственного управления.

Практическая значимость исследования заключается в том, что полученные в диссертации результаты и сделанные выводы могут быть использованы при планировании и осуществлении правотворческой деятельности, проведении правового мониторинга, совершенствовании подготовки квалифицированных юридических кадров в сфере осуществления правосудия и иной правоприменительной деятельности.

Апробация результатов диссертационного исследования. Апробация основных результатов исследования и ключевых теоретических положений диссертации осуществлялась диссидентом путем их опубликования в научных изданиях, в процессе научно-исследовательской работы в секторе философии права, истории и теории государства и права ИГП РАН, в работе Общероссийской общественной организации «Ассоциация юристов России», а также в общественно-политической деятельности, публичных выступлениях, комментариях законодательства и судебной практики, в том числе размещенных на персональной официальной странице в сети Интернет (<https://gruzdev.ru>).

Непосредственно по теме диссертационного исследования были опубликованы 34 работы общим объемом более 35 п. л., в том числе 25 статей в рецензируемых журналах, включенных ВАК при Минобрнауки РФ в перечень изданий, в которых должны быть опубликованы результаты диссертационных исследований на соискание ученой степени доктора юридических наук.

Результаты исследования нашли отражение в выступлениях и докладах на международных и всероссийских научных конференциях, таких как Всероссийская конференция «Философия права: современные проблемы» (18.04.2018 г.), XXIII Петербургский Международный Экономический Форум (06.06.2019 г.), Панельная сессия IV правового форума стран БРИКС (02.12.2017 г.), Всероссийская научная конференция с международным участием «XXV лет Конституции Российской Федерации: трансформация парадигмы права в цивилизационном развитии человечества» (10 декабря 2018 г., Институт государства и права РАН), Второй Столыпинский Форум «Стратегия для России» (22 мая 2019 г., г. Москва), Всероссийская научно-практическая конференция «Государство.

Конституция. Наука: правовые реалии» (8 февраля 2021, ИГП РАН), Международная научно-практическая конференция «Вторые Бачиловские чтения» (8 февраля 2019 г.) и др.

По теме исследования были сделаны доклады и сообщения на Ученом совете ИГП РАН, заседаниях сектора философии права, истории и теории государства и права, Центра философско-правовых исследований ИГП РАН, совещаниях и заседаниях Общероссийской общественной организации «Ассоциация юристов России».

Результаты исследования получили апробацию в работе диссертанта в составе Комиссии Правительства Российской Федерации по законопроектной работе, а также Подкомиссии по совершенствованию контрольных функций органов власти при правительской комиссии по проведению административной реформы.

Структуры работы. Диссертация состоит из введения, четырех глав, объединяющих 19 параграфов, заключения и списка литературы.

СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИОННОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Во **введении** обосновывается актуальность темы диссертационного исследования, степень научной разработанности проблемы, определяются цели, задачи, предмет, объект, методология исследования, обосновывается его новизна, теоретическая и практическая значимость, формулируются основные положения, выносимые на защиту, излагается апробация результатов исследования.

В первой главе **«Реализм как философско-методологическая парадигма правопознания»**, состоящей из семи параграфов, рассмотрены основные смысловые характеристики реализма как гносеологической и онтологической проблемы в контексте теоретико-правовых и философско-правовых подходов.

В первом параграфе **«Правопознание как гносеологическая стратегия»** анализируется и обосновывается необходимость использования категории правопознания. Правопознание рассматривается как обладающая направленностью

на решение конкретных (фундаментальных и прикладных) задач гносеологическая стратегия. Соответственно, рассматривая познавательные практики и концепции в области права можно зафиксировать цели, средства, критерии подбора и использования методов, их корректность и адекватность, возможность согласованного применения.

Логика правопознания представляет собой не только накопление знаний и опыта в освещении проблем и различных аспектов права, но сознательную стратегию поиска ответов на злободневные вызовы и проблемы, остающиеся неразрешёнными в области фундаментальных и прикладных аспектов права и государства. С этих позиций в работе проанализированы: философский позитивизм, как теоретико-методологическая основа многих юридических концепций XIX в. и позже; юмизм; субъектоцентристская философия в целом как отражение движения борьбы за гражданскую свободу личности; юридическое неокантианство, пытавшееся высвободить индивида и гражданина из могущественного влияния социального реализма; причины, порождавшие усиление реалистических тенденций, особенно в видеialectического материализма, pragmatизма, разнообразных социологических теорий; интеллектуальные процессы в развитии обществознания и юриспруденции, которые проявились в период перехода от советского к постсоветскому пониманию права; феноменологический подход в области правопознания и др.

Во втором параграфе «Философско-методологические основания как ключевой элемент стратегии правопознания (на примере аргументов юридического pragmatизма)» изучены различные подходы к разъяснению конкретных философских и методологических оснований анализа права и их роли при изучении познания права, в частности, на примере релевантной в контексте изучения реализма в юриспруденции анти-рационалистической парадигмы юридического pragmatизма.

Важным направлением критического анализа прошлых и современных юридических концепций является значительно более четкое распознавание их конкретных философско-методологических оснований, в том числе

производных от них в русле социологического, психологического и иного релевантного анализа права. Лишь зная конкретные философско-методологические основания определенной юридической концепции можно не только выявить ее научно-познавательную ценность, но также социально-культурное и социально-практическое значение. В конце концов это позволяет идентифицировать правовые взгляды, определить их преемственные и новаторские аспекты. Важными моментами являются и наличие таких оснований, и выбор таковых.

Стремление подражать философии права без соотнесения свои положений с определёнными философскими позициями и направлениями (пусть даже с точки зрения методологического плюрализма) нередко приводит к явнымискажениям смысла и содержания соответствующих юридических концепций.

В русле различных вариантов юридического прагматизма (американского и скандинавского правового реализма, нового правового реализма и др.) обращает на себя внимание и такое явление, как принципиальный отказ от любого «теоретического подхода» при обращении с правом. Призыв отказаться от теории неизбежно приводит к тому, что такая радикализация взглядов редуцируется до узкого фрагмента правовой реальности, а поскольку отказ от логики или абстрактного мышления вовсе невозможен, то очевидно, что сторонники таких отказов начинают защищать свою точку зрения не теоретическими аргументами (они принципиально противопоказаны), а идеологическими конструкциями, которые нередко приобретают квази-религиозный характер.

В третьем параграфе **«Концептуальный и наивно-проекционный реализм в философии права и теории права»** исследованы основные вопросы генезиса, эволюции и специфики содержания концептуального правового реализма, показаны основные характеристики аргументов реалистических и антиреалистических подходов, подвергнуты критическому анализу феноменологические интерпретации права, проанализирована проблема редукционизма в юриспруденции в контексте субъектоцентристской традиции философии права.

В работе продемонстрировано, что в логике парадигмального подхода к истории правовой мысли проблема реализма в юриспруденции выглядит иначе,

чем в философии права. Реализм имманентно включен в саму научную парадигму и выступает в данном случае как атрибут научности как таковой. Реализм в юриспруденции в свете парадигмальной трактовки представляет собой тенденцию онаучивания правопознания и правопонимания, что связано с использованием в соответствующих практиках и гносеологиях принципиально научных (не философских) методов получения знаний о праве.

Научный реализм в юриспруденции имеет существенные ограничения. Он принципиально направлен на изучение только эмпирических фактов. Право для этой парадигмы предстает в виде отдельных правовых явлений, которые как определенная конкретная реальность познаются с помощью строго научных методов, исключая любые философские, религиозные, нравственные и иные аналогичные аргументы и методы познания. Научный правовой реализм принципиально отрицает объективную сущность права; его познавательные задачи и возможности ограничены только тем, что может быть получено эмпирическим путем. Спецификой социально-научного познания и опыта научный правовой реализм пренебрегает. В то же время правопознание и правопонимание, ограниченное только тем, что можно установить эмпирическим путем, искусственно локализует и действительность права, так как устранение всего неизмеримого или того, что не может быть извлечено логическим путем, само становится метафизической, недоказуемой предпосылкой.

Эстетика и логика реализма сохраняются по необходимости и даже в тех случаях, когда автор сознательно избирает в целом анти-реалистическую позицию, так как анализ права в любой его ипостаси неизбежно приводит к тому, что познание права как чего закономерного в себе – это онтологическая проблематика, а право без онтологии представляет собой пустое и бессмысленное рассуждение.

В четвертом параграфе «Реалистический поворот в гносеологических основах юридической теории и парадигме социокультурных знаний» рассмотрены природа и специфика перемен в направлениях развития юридической гносеологии, хронологически совпадающих с развитием юридической науки с

начала XIX в. и по настоящее время. При этом тенденции развития приемов познания права сравниваются и сопоставляются с аналогичными тенденциями в области социокультурного познания в целом.

В целом реализм, независимо от особенностей его трактовки, существенно менял парадигму восприятия окружающей действительности, человеческой психики и деятельности. Поэтому на протяжении новейшей истории особенно отчетливо заметно, как противостояние реализма и идеализма меняет формы, ракурсы, но в принципе остается сквозной проблемой, без учета которой невозможны эффективные социальные преобразования и обеспечение устойчивости развития. При этом поворот в сторону реализма (прежде всего, социально-исторического, акмеистического, социально-психологического, психологизма и др.) пребывает основной тенденцией развития юридической теории.

Даже в тех работах, которые фокусируются на объективно-феноменологическом рассмотрении правовых проблем или элементах рационализма либо неокантианства, проблема реализма имплицитно является одной из основных смысловых характеристик. Это может быть описание права с помощью таких характеристик, как необходимая осуществленность, реализованность, обязательная связь с деятельностью, трудом и т. п. В языке современной юридической теории активно используются такие понятия, как пространство, сфера, ситуация, происшествие и др.

На смену «романтики» доктрины естественного права пришел реализм материалистов, позитивистов, историцистов. Ключевыми маркерами и ориентирами правопознания становятся установки на роль социальной действительности, поиски права в жизни, принципы детерминации, типизации, аналитизма, универсализма.

К концу XIX в. утверждается новая парадигма реализма – акмеистическая, для которой реализм отнюдь не связан с требованием точности и предполагает обращение не к социальному и историческому контекстам, а к предметному миру, «жизненным мелочам» и т. п. Но в этом погружении формируется и другая

крайность – реальное описывается иррациональными догадками, мистическими и не подающимися логическому анализу импульсами.

В пятом параграфе «**Деятельность как доминанта концептуального правового реализма**» продемонстрированы возможности использования деятельностного подхода для разъяснения специфики реализма в юриспруденции и критики его отдельных региональных интерпретаций.

Деятельность как доминанта концептуального правового реализма означает, что собственно реалистическое заключается не в противопоставлении его идеальному и рациональному в праве (как это происходит в юридическом прагматизме, психологическом реализме, юридической феноменологии), а в том, что человек и общество познают правовую реальность в формах своей деятельности, оказывая при этом преобразующее влияние на правовую жизнь, формируя тем самым новый уровень реальности.

Принципиальная значимость и одновременно научная проблема, связанная с вопросом о роли понятия деятельности в области познания и понимания права, заключаются в том, что деятельностный подход означает единство сознания и действия, имманентную связь сознания и психики человека с окружающей действительностью, средой. Иными словами, правосознание не может возникнуть вне жизни, вне деятельности субъекта. Это подход называется историческим или генетическим, для которого характерно корректное соотношение понятий значения и смысла, мотивов и целей деятельности. Он фокусируется на анализе правовых явлений, принадлежащих не сознанию, а самой жизни. Иными словами, речь идет о тех явлениях, которые характеризуют реальное взаимодействие реального субъекта права с окружающей социальной правовой действительностью, охватывающей всю совокупность его объективных и независимых свойств, характеристик, связей и отношений.

Критическому анализу подвергнуты интерпретации понятия деятельности в контексте феноменологического подхода, скандинавского и американского правового реализма.

В шестом параграфе «Искусственный мир как особая правовая реальность. Проблема разрыва шаблонов правовой реальности» проанализированы важные аспекты трактовки права и приемов его познания с точки зрения конструктивизма, а также рассмотрена проблема соотношения типов реальности в контексте современного научно-технологического уклада общественной жизни.

Популярный в XX в. и по настоящее время конструктивистский подход, утверждающий, что в действительности репрезентации ничего не репрезентируют, а лишь формируют представление о том, что принимается за внешнюю реальность, не может в наше время считаться удовлетворяющим потребностям юридической науки. Характерная для него ссылка на то, что ненаблюдаемые объекты, в частности, юридической теории не имеют реальных референтов, а юрист, изучающий право, создает (конструирует) юридические смыслы и состояния в ходе взаимодействия с другими людьми, не имеет научной основы. Верификация правовых знаний наличием реальных референтов воспроизводит традиционную проблему редукционизма и его отношения к юридическому познанию в целом и реалистическим аргументам в частности. Конструктивизм существенно упрощает теоретическое значение юридической науки. Она формирует себя на основе специфики своих собственных объектов.

В.С. Нерсесянц проницательно делал вполне обоснованное допущение, что, например, «математическое равенство как логически более абстрактное образование является исторически более поздним и производным от идеи правового равенства»²².

По мере усложнения форм, способов и средств обмена информацией, функционирования виртуальных структур, обособления внутреннего искусственно-интеллектуального пространства возникают такие взаимодействия с человеком, которые сами начинают формировать определенные типы, виды и стандарты поведения. Тип реальности, формирующийся и обособляющийся в

---

²² См.: Нерсесянц В.С. Философия права. М., 2009. С. 31.

виртуально-цифровом пространстве, позиционируется как определенный тип среды и деятельности, имеющий не только свои институциональные или квазиинституциональные, но и ментальные структуры и атрибуты (искусственный интеллект, цифровая память и т. п.). С точки зрения юридической науки и социального познания, важной задачей и определенным вызовом является осмысливание этого типа реальности в парадигме нормативности, обязательности и иных релевантных юридических понятий и категорий.

В седьмом параграфе **«Теоретический анализ понятия «юридическая практика»** исследована проблема теоретической интерпретации понятия юридической практики в контексте реалистической парадигмы в юриспруденции. Будучи одним из центральных понятий юридической науки, оно вместе с тем остается недостаточно разработанным, обуславливая искаженные трактовки его объема и содержания, а также затрудняя поиск и выработку путей и способов использования потенциала юридической практики. В исследовании продемонстрировано, что в контексте развития реалистической парадигмы в юриспруденции необходима более глубокая и основательная разработка теоретических и сущностных аспектов юридической практики, ориентированная на учет её онтологического статуса, а также трактовка юридической практики как сферы научного знания, а не только ремесла.

Важным направлением ее анализа является вычленение не только структуры юридической практики, но и структуры её изменений, в т. ч. оснований, причин и условий протекающих или возможных преобразований. Значимость такого подхода очевидна, поскольку позволяет рассматривать юридическую практику не как набор разнообразных случаев, обобщаемых для определенных информативных целей, но и как закономерный феномен со всеми вытекающими из этого заключения следствиями и возможностями по организованному, целенаправленному и эффективному воздействию на него.

Во второй главе **«Проблема реализма в истории западноевропейской и скандинавской юридической мысли»**, состоящей из трёх параграфов, проанализированы основные вехи и специфика использования реалистической

парадигмы в истории правовой мысли Германии, Франции и скандинавских стран. Основное внимание уделено выявлению, прослеживанию и критическому анализу наиболее существенных характеристик реализма в контексте познания и трактовки права.

В первом параграфе «Правовой реализм в Германии: от исторической школы и до реального учения о праве Э. Вольфа и критического правового реализма В. Кравица» изучены различные аспекты генезиса и эволюции реализма как гносеологической парадигмы в истории немецкой правовой мысли.

Правовой реализм, как специфическая характеристика и наименование подхода к познанию права и его интерпретации, возник в Германии и оформился в трудах крупных немецких правоведов. Его спецификация в русле юридической науки прежде всего была связана с введением принципа историзма, который служит основанием критики романтизма и рационализма естественно-правовой доктрины. В последующем исторический реализм в области правопознания дополнялся социологическими и психологическими аргументами, создав соответствующие типы реализма.

Философский позитивизм представлял собой наиболее благодатную почву для укрепления позиций реализма в правоведении, ориентированного на методологию естественных наук. Однако философский позитивизм имел свои существенные ограничения и недостатки, чтобы послужить надёжной основой для формирования юриспруденции как строго эмпирической науки, или, иначе говоря, науки о фактах. Позитивизм принципиально попытался отказаться от любой метафизики и спекуляции, но одновременно с этим проблему фактов наделил метафизическими смыслом, а также не сумел внятно обосновать возможность построения социальной науки как науки о закономерностях социальных явлений.

Программа исторической школы, её принципы исторического познания права, единства общественного правосознания и другие существенные положения предопределили исходные установки реалистического понимания права и

тенденции формирования каркаса юридической теории на долгие десятилетия, вплоть до наших дней.

К концу XIX в. в русле реализма, включающего его исторический, социологический, психологический, идеалистический, социо-культурологический типы, формируется устойчивая ориентация на эмпирические доказательства в подходах к обоснованию социальных явлений. Право, как социальное явление, распознается в многообразии социального опыта.

Среди авторитетных и заметных реалистических концепций права второй половины XX в. выделяются «реальное учение о праве» Э. Вольфа и «критический правовой реализм» В. Кравица.

Во втором параграфе **«Французский социологический (социально-позитивистский) правовой реализм. Умеренный реализм Ф. Жени»** проанализированы специфика и основные направления классического французского правового реализма: от сочинений А. Сен-Симона и до концепции умеренного правового реализма Ф. Жени.

Развитие реалистического подхода к праву в истории французской юридической мысли связано с формированием социологии права и использованием социологической (социально-позитивистской) аргументации в юридической науке. Поэтому французский правовой реализм, в отличие, например, от исторического немецкого, в значительной степени был социологическим.

Именно во Франции программа позитивной философии была впервые теоретически сформулирована. Философский позитивизм стал в последующем одной из основных платформ для разработки юриспруденции как теоретической науки. С точки зрения философского позитивизма, наука выступает за познание «фактов», которые есть позитивное, данное, постижимое. О. Конт использовал для наименование новой философии название «позитивизм», суть которого – изучать «фактическое (le réel) в противоположность воображаемому»²³.

---

²³ См.: Comte A. Rede über den Geist des Positivismus, hrsg. von Iring Fetscher, Hamburg 1956, 1. Teil, 3. Kap., I. S. 31.

Философский позитивизм ни французских социальных философов, ни их британских коллег не мог удовлетворять в полной мере требованиям построения науки, в частности юриспруденции, как науки о фактах. Восходящая к учению Юма идентификация «представлений», «ощущений», «чувств», «идей», «веры», «познания» привела в позитивизме к отождествлению телесного и духовного существования, субъекта и объекта, предметов и восприятия. Это привело к тому, что существующее не могло распознаваться как реальное существование, как существующее до его восприятия и до всякого мышления, либо как независимое от них обоих.

Согласно позитивистской гносеологии, на место фактов поставлены «ощущения», которые должны быть идентичны одновременно с «ощущаемыми предметами», и в этом смысле они рассматриваются как «явления». Поэтому неслучайно в позитивизме видели не достаточное основание для обоснования юриспруденции как науки о фактах, а, напротив, основание для отрицания фактов – негативизм. Таким образом, ввиду того, что философский позитивизм, утверждая существование фактов, на самом деле отрицал их, понятие факта было в значительной степени фальсифицировано. По существу, на место эмпирических фактов заступили метафизические абсолютные факты, что привело в итоге не к возникновению науки о фактах, а к тому, что философский позитивизм нередко превращался в метафизическое, почти религиозное учение о необходимости ложных фактов.

На рубеже XIX–XX вв. во французской юридической литературе появляется ряд исследований Франсуа Жени, с именем которого связана значительная модернизация юридической теории Франции в первой четверти XX в. Его работы имели большую популярность и за пределами Франции, особенно в США. Собственный подход он также характеризовал как «умеренный реализм» («réalisme modéré»)²⁴.

---

²⁴ См.: Gény F. Science et technique en droit privé positif: nouvelle contribution à la critique de la méthode juridique. 1: Introduction, Première Partie: position actuelle du problème du droit positif et éléments de sa solution. Paris, 1914. P. 74.

В третьем параграфе «**Скандинавский психологический правовой реализм (А. Хэгерштрём, К. Оливекрона, логический позитивизм А. Росса)**» исследована специфика скандинавского правового реализма, поскольку реалистическое употребляется в русле этого подхода как некая центральная смысловая единица. В исследовании продемонстрировано, что основные тезисы указанных авторов вызывает серьёзные сомнение в адекватности употребления реализма как смысловой характеристики. Во всяком случае необходимо уточнить то значение, которое связано с этим видом использования реалистического подхода к праву.

В трудах представителей этого направления просматриваются конкретные философско-методологические основания, которые, однако, зачастую приходится выяснить аналитическим путем, так как авторы редко уделяли внимание разъяснению идейных истоков своих правовых взглядов. Правовой реализм скандинавских авторов в значительной степени базируется на иррациональной основе и элементах наивного реализма. Основные характеристики права в представлениях этой группы учёных носят в основном некий феноменологический или мистический характер, но понятийный аппарат имеет психологически ориентированную направленность. Логика реалистического подхода к познанию и интерпретации права, который атрибутируется отмеченной группе скандинавских правоведов, в основном находится в русле споров и контрастных противопоставлений между немецкими идеалистами и британскими эмпириками.

Даже по общим и предварительным характеристикам становится очевидно, что принципиальный отказ от онтологической проблематики, явный имматериализм, характерный для сенсуализма, на базе которого строится психологический тип правового реализма, весьма специфически относится к вопросу о реальности и содержании опыта. Они в основном трактуются в контексте «мира ощущений» и иных субъективных психических переживаний, как более или менее упорядоченные формальные категории сознания.

В третьей главе «**Реализм как основная идеологема американской традиции политico-правовой мысли**», состоящей из пяти параграфов,

исследованы различные аспекты генезиса и эволюции реализма в истории американской правовой мысли, выяснены и проанализированы философско-методологические основания основных позиций американских реалистов.

В первом параграфе «Генезис, природа, специфика употребления и эволюция реалистического подхода в истории правовой мысли США» проанализированы особенности возникновения, трактовки и эволюции американского правового реализма, а также его соотношение с социологической юриспруденцией.

Реконструкция истории американской юридической мысли, особенно в аспектах преемственности и новизны, связи истории и современности, позволила существенно точнее и яснее представить характер основных проблем американского подхода к обсуждению фундаментальных вопросов права, продемонстрировать развитие, модификацию, усвоение и географию распространения взглядов и концепций американских юристов, современное состояние и направления дальнейших исследований, связь с европейской традицией.

В разъяснении актуальной правовой проблематики в американской юридической литературе постепенно стали доминировать факторы, за счёт которых происходило постепенное расширение предмета юридического познания: политические, социальные, экономические, а также свойственные нынешнему времени партократические факторы. Допустив бесконтрольное и ничем неограниченное расширение объема понятия права при отсутствии прочного теоретического фундамента для последующего развития идеи права, более поздние варианты разъяснения правового реализма вынесли проблему права за скобки, призываю к упразднению всего понятийного аппарата юридической науки.

Правовой реализм в американской юридической культуре и истории юридической мысли («американский правовой реализм») – это прежде всего идеология, набор практических установок, которые былиозвучны актуальным для своего времени направлениям развития условно мировой юридической науки (европейской, русской), философской концепции прагматизма и запросам американских юристов на методологическое преодоление инертности юридической (в

основном судебной) практики. Теоретический каркас американского правового реализма был весьма уязвим.

Во втором параграфе **«Реконструкция философско-методологических оснований американского типа правового реализма (о роли прагматизма, субъективного идеализма, эмпириокритицизма, номинализма)»** выясняются и разъясняются философско-методологические основания американского правового реализма, который зачастую в силу его антирационалистической нацеленности некритично трактуется как самобытное явление истории юридической мысли.

Прагматизм имел разные варианты трактовки в американской и европейской философии. Его идейные истоки связаны с разработкой различных гносеологических приемов и направлений, которые предопределили эвристический потенциал юридического прагматизма. Истоки прагматизма, в том числе в его юридической версии, связаны с идеями основателей субъективного идеализма, средневекового номинализма (отсюда показательна редкая, но отчасти точная характеристика взглядов американских реалистов как «крипто-идеалистов»), эмпириокритицизма. В исследовании проясняются существенные аспекты трактовки прагматизма, его роли и нацеленности в контексте становления «реалистического» подхода в истории американской юридической мысли.

Прагматизм и эмпириокритицизм преследовали цели сгладить или преодолеть крайности идеализма и материализма. Если эмпириокритики отождествляли материальное и идеальное, то прагматисты объявили этот вопрос выходящим за пределы возможностей философии. Прагматисты и правовые реалисты рассматривали объективный мир с позиций, с которых его трактовали родонаучальники субъективного идеализма. В гносеологическом плане оба направления находились на позициях релятивизма и сходились в том, что источником познания является опыт, который понимается в субъективно-идеалистическом плане.

Разъясняя сходство представлений реалистов с эмпириокритиками, в работе отмечается, что в эмпириокритицизме артикулируется установка на познание мира таким, какой он есть, то есть в самом простом и доступном восприятии

– мир как факт безо всяких гипотез, предпосылок, теоретических конструкций и т. д. Иными словами, мир не материален или не идеален, а такой, каким он воспринимается непосредственным образом («естественное понятие о мире»). Эмпириокритики стремились к систематическому описанию того, какие изменения среды и внутренние процессы обуславливают в человеке те или иные высказывания.

В социологической парадигме, к которой примыкает американский правовой реализм и его более или менее отчетливые положения, данный тип реализма может рассматриваться как вид правового социологического номинализма, который находится в определенной оппозиции к социологическому реализму.

В третьем параграфе **«Основные проблемы содержания американского правового реализма в работах Р. Паунда, К. Ллевеллина, Ф. Когена»** исследованы основные смысловые характеристики правовых взглядов ведущих представителей этого направления: социологическая юриспруденция Р. Паунда, философия практических ценностей К. Ллевеллина и функциональный подход Ф. Когена.

В трудах Р. Паунда впервые появляется развернутое теоретическое обоснование программных тезисов О. Холмса и европейских реалистов социологического направления. Основная заслуга творчества Р. Паунда заключается в том, что он теоретически обосновал возможность и необходимость применения для изучения права не только догматических методов, но и методов других, прежде всего, социальных наук.

Идея о праве как форме социального контроля тесна связана с такими теоретическими конструкциями, как представление о праве в качестве закономерной формы социальной жизни и средство для цели существования общества, с помощью которого в силу внутренних, статистически фиксируемых закономерностей права обеспечивается устойчивое социальное сосуществование и развитие.

В творчестве К. Ллевеллина значительно больше уделяется внимания формированию не догматической основы возможности совершенствования

методологии правопознания и правопонимания, а вопросам непосредственного применения методов социологического исследования правосудия и анализу отдельных социальных функций права.

Суть функционализма Ф. Когена заключается в предметной разработке механизма действия права. Функционализм определялся как философия, согласно которой «вещь не имеет „природы“ или „сущности“ или „реальности“, лежащих в основе ее проявлений и эффектов и отдельно от ее отношений с другими вещами»; «природа, сущность или реальность вещи – это ее проявления, ее эффекты и ее отношения с другими вещами»; «помимо этого, „она“ – ничто или, самое большее, точка в логическом пространстве, возможность чего-то произойти»²⁵.

Функционализм пытался переместить акценты внутри реалистической парадигмы на идею социального механизма права и функцию как основную смысловую единицу, сопровождая такой призыв определенными уточнениями. В связи с этим идеи структуры права, правовой системы, юридических понятий оказывались вспомогательными в контексте функционального подхода. Даже само понятие права признавалось лишь настолько, насколько оно оказывает практическое влияние на определение конкретных юридических понятий: договора, собственности, обязательств и т. п.

В четвертом параграфе **«Новый правовой реализм»** рассмотрена специфика эволюции реалистической парадигмы в американской юриспруденции, актуальное состояние которой связано с появлением такого направления, как новый правовой реализм.

В диссертации выяснено, что в основу программы этого направления положена идея о возможности эффективного разрешения задач классического американского правового реализма путём обновления, в первую очередь, методологии правовых исследований.

---

²⁵ Cohen F. S. The Problems of a Functional Jurisprudence // The Modern Law Review. Vol. 1, no. 1, 1937. P. 7.

Взяв за основу построения стратегии «нового правового реализма» тезис К. Ллевеллина о том, что необходимы «усилия по капитализации богатства наших зарегистрированных случаев, чтобы осуществить масштабные количественные исследования фактов и результатов»²⁶, представители рассматриваемого направления утверждают, что соответствующие исследования, о необходимости которых писал К. Ллевеллин, произвели на свет «новый правовой реализм» как «попытку понять источники судебных решений на основе проверяемых гипотез и больших массивов данных»²⁷.

В программе «нового правового реализма» «стандартная модель поведения судьи» и обозначаемая в качестве центральной тема политической аффилиации судей рассматриваются преимущественно не столько как проблема правотворчества, а как задача по выработке средств корректировки политически согласованного поведения судей, что явно выходит за пределы юридических исследований.

Программа «новых реалистов» не проявляется как чисто эмпирическое учение о праве. Представителям этого направления так и не удается до конца следовать своей основной теоретико-методологической установке, и они вынуждены фрагментарно разрабатывать в качестве теоретических проблем учения о праве такие понятия, как «стимулы», «институциональная среда», «институциональное окружение», «политическая идеология», «стратегия поведения», «модель поведения». Категория «должного» прикрывается «стандартной моделью поведения судьи», которое, как утверждают «новые реалисты», с помощью их разработок можно будет более определенно спрогнозировать и скорректировать в направлении получения ожидаемых результатов.

В пятом параграфе **«Концепция натурализации юриспруденции Б. Лейтера. Социально-правовой реализм Б. Таманахи»** проанализированы актуальные концепции двух авторитетных американских юристов и философов права,

---

²⁶ См.: Llewellyn K.N. Some Realism About Realism: Responding to Dean Pound // Harvard Law Review. Vol. 44. №. 8, 1931. P. 1243-1244.

²⁷ См.: Sunstein C., Miles T. The New Legal Realism // University of Chicago Public Law & Legal Theory Working Paper №. 191, 2007. P. 1-2.

которые непосредственно посвящены интерпретации и разъяснению реалистической парадигмы в юриспруденции.

В работе установлено, что в основе концепции Б. Лейтера лежит идея о том, что научное познание в области юриспруденции должно опираться на постулаты и ограничения «натуралистической теории мира», а инструментом верификации является отсылка к «успешным эмпирическим научным объяснениям». Речь идет о попытках придать эмпирическим исследованиям права более стабильный характер – не просто призвать к решению насущных повседневных задач как некой смысловой характеристики понятия права, – наборе обобщений и постулатов для укрепления позиций реализма в натуралистической научной парадигме мировосприятия. Однако при ближайшем рассмотрении аргументы Б. Лейтера не выдерживают критики.

Наряду с концепцией Б. Лейтера в рамках исследуемой темы заслуживают внимания концепция социально-правового реализма (исправленного или умеренного инструментализма), а также основные правовые идеи и трактовки правовой проблематики, предлагаемые в работах популярного американского юриста Б. Таманахи. Основное внимание в исследовании удалено попытке этого автора «исправить» негативные стороны инструментального подхода к праву, доминирующего, по мнению американского юриста, в мировой литературе. Важным в связи с этим представляется критический взгляд на проблему деления правопонимания на инструментальное и не-инструментальное, а также отсутствие в предложениях рассматриваемого автора убедительной аргументации относительно возможного преодоления опасностей узкоинструментального понимания права.

В четвертой главе «**Реализм среди доминант правопознания и правопонимания в истории русской правовой мысли XIX – начала XXI в.**», состоящей из четырех параграфов, раскрываются особенности трактовки и использования реализма как гносеологической парадигмы в истории русской юридической мысли.

В первом параграфе «Формирование и основные направления концептуального правового реализма в русской юридической литературе» исследованы существенные аспекты формирования реалистической парадигмы правопознания и правопонимания в истории русской юридической мысли последних двух столетий.

В диссертации обосновывается идея о том, что русская юридическая литература (как и общественно-политические, обществоведческие, художественные произведения) достаточно оперативно отреагировала на актуальные вызовы эпохи реализма, который как характеристика эпохи приходится на период XIX в. Э.Э. Понтович в 1919 году отмечал, что уклон современной юридической литературы в сторону эмпирических знаний «имеет глубокие корни в истории русской юридической науки»²⁸.

В контексте реалистической парадигмы в юриспруденции и философии права рассмотрены и подвергнуты новой оценке взгляды ряда авторитетных российских правоведов, в том числе как реалистические рассматриваются конкретные теоретические и методологические конструкции в работах Б.Н. Чичерина, который артикулировал значение явления народности, трактуемого как реальная духовная сущность, обладающая свойствами личности, и в этом качестве выступающая реальной основой любого прочного государства.

С начала 1870 гг. социологический правовой реализм проник в русскую юридическую литературу и сразу же был подхвачен многими авторитетными юристами. Среди первых проводников этого направления были В.И. Сергеевич, С.А. Муромцев и др.

Н.М. Коркунов твердо стоял на реалистических позициях, уделяя существенное внимание психологическим аргументам. В его представлениях о праве реалистическое выражается прежде всего в ограничении правопознания и правопонимания исключительно эмпирическими данными. Опыт, положенный им в

---

²⁸ См.: Понтович Э.Э. Проблема государственной власти: [Философско-правовые этюды]. Петроград: [б. и.], 1919–1921. 1: Реализм в юриспруденции. 1919. С. 3.

основу понятия права, объясняется не социальными, а психологическими закономерностями.

В советской и постсоветской юридической литературе проблема реализма в юриспруденции освещалась по-разному. Идеологические характеристики советского правоведения не должны вводить в заблуждение, так как варианты употребления реалистических аргументов в освещении права были разные.

В диссертации в контексте эволюции реалистической парадигмы в юриспруденции исследуются позиции таких видных российских правоведов и философов права, как Д.А. Керимов, С.С. Алексеев, В.С. Нерсесянц, В.П. Малахов и др.

Во втором параграфе **«Психологический правовой реализм П.В. Деларова»** проанализированы взгляды автора первой психологической концепции права, появившейся значительно раньше работ Л.И. Петражицкого. Интерес к работам П.В. Деларова связан с тем, что в его представлениях о праве и способах его изучения значительное внимание уделялось проблеме реализма, что послужило отправной точкой его психологической реалистической концепции права.

Взгляды П. Деларова для освещения и анализа проблематики реализма в правопознании представляют существенный интерес как с хронологической точки зрения, так и по содержанию. В основе его подхода к праву лежали определенные философско-методологические основания. Право, наряду с религией, политической жизнью, хозяйством, нравственностью, наукой, искусством и т. д., относится к «сферам умственной деятельности человека». А так как внутреннее содержание «психического движения», актов мысли, воли, чувств должно изучаться индивидуальной психологией, то именно психология является наукой о надлежащем познании права. В психологии наиболее конструктивное значение должны иметь индуктивный метод и широкое применение опытных наук. Это была принципиальная установка юмизма, которая переносилась П. Деларовым в сферу правопознания. Психологический подход к праву, разрабатывавшийся в сочинениях П. Деларова, неизбежно приводит к вопросу о соотношении индивидуального и общего – отдельной личности и общества, индивидуального

сознания и общественного сознания. Личность для П. Деларова представляет собой исключительно социальное качество, раскрываемое органическим единством общественной жизни и включенностью человека в этот контекст. Психическое и физическое в психологической концепции права оказываются трудно различимыми. Понятие права – переживание несправедливости, приписывание обязанностей другому. По мнению П. Деларова, право по своей внутренней сущности представляет собой психологическое явление.

В работе отмечается, что *позитивная психология права* П. Деларова появилась в период, когда только зарождалась европейская психология права.

В третьем параграфе «**Психологический правовой реализм Л.И. Петражицкого**» изучены различные аспекты творчества ученого с точки зрения реалистической парадигмы в юриспруденции, к определенным переменам в развитии которой его психологическая концепция права имеет прямое отношение.

В контексте исследуемой темы представляются важными уточнения и дополнения в характеристиках позиций Л.И. Петражицкого, способствовавшего эволюции реалистических подходов в области правопознания и правопонимания, особенность подхода которого заключается в онтологическом и методологическом редукционизме.

В отличие от идеалов романтической эстетики доктрины естественного права, выражавшейся в признании независимости и самостоятельности личности и ее творческой роли в истории права, личность в психологическом реализме Л.И. Петражицкого полностью погружена сложный мир социальных противоречий; ее судьба обусловлена социальными факторами. Отсюда и мысль о том, что право – это лишь способность психологического «*приспособления*» к социальной жизни. Человек в русле этой концепции не является творцом истории, он способен более или менее удачно приспособиться к ней, развивающейся согласно объективным закономерностям.

Основываясь на идеях детерминизма – характерной черты реализма как познавательной стратегии и принципа его научной эстетики, – единственным подлинно научным методом правопознания Л.И. Петражицкий признавал метод

наблюдения. Кроме того, как полагал ученый, «у того, что есть право», «нет и быть не может» «общих и отличительных признаков»²⁹, и поэтому попытки искания понятия права являются совершенно бесполезными.

Логично выглядит стремление этого правоведа к тому, чтобы сделать психологию личности объектом особого аналитического изображения. Психологический правовой реализм Л.И. Петражицкого также пронизан установкой типализации, характерной для эстетики реализма. Эта установка предполагает, что в центре внимания оказывается социально типичная личность. Центральной темой, объединяющей эти многочисленные типы, является некая диалектическая устремленность средней величины – народной психики – к здоровому и нормальному состоянию.

Для реализма Л.И. Петражицкого и его специфической эстетики в области правопознания и правопонимания также характерна *устремленность на универсализм*, т. е. на максимально полное изображение действительности, общественной жизни или реальности субъективного.

Основным теоретическим ядром концепции Л.И. Петражицкого была гносеологическая модель права как субъективной реальности (реальности субъективного), для которой понятие права в качестве объективного явления объявляется несущественным, а отношение к праву как психологическая способность социального приспособления человека обретает собственную сущность и становится самодостаточным феноменом. Реальность субъективного в представлении о праве должна обеспечить снятие ограничений, обусловленных трактовкой права как внешнего явления, независимого от индивидуального сознания; в отличие от понятия права, исходящего из его внешней реальности, понятие права в психологической концепции Л.И. Петражицкого не имеет ограничений. И, казалось бы, такой подход должен вести к большей свободе личности. Однако личность в такой модели оказывается погруженной в идеалы стоицизма, которые

---

²⁹ См.: Петражицкий Л.И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. СПб., 2000. С. 203.

отразились отчетливо в протестантизме, особенно в таком его ответвлении, как кальвинизм.

В четвертом параграфе «Некритический подход к импортированию шаблонов правовой реальности и перспективы реализма в современной философии права и теории права» подвергнуты критическому анализу практики импортирования базовых принципов и идей преобразования правовой реальности, а также формулируются некоторые перспективы дальнейшего развития реалистической парадигмы в современной юриспруденции и философии права.

Одной из самых чувствительных и злободневных тем общественно-политических дискуссий и юридической науки в постсоветский период является импортирование и внедрение чужих шаблонов правовой реальности. Этот процесс может наблюдаться и в более широкой исторической перспективе. Самый показательный пример в этом отношении представляет собой рецепция римского права в странах Западной Европы.

Реалистический подход в современной юриспруденции означает не слом и не насильственное внедрение правовых ценностей, идеалов, конструкций и практик, а прежде всего изучение внутренних потребностей российского общества, политической системы, механизмов государственного управления, правовой системы и правосознания, правовой ментальности и факторов социокультурной среды, правового взаимодействия и правового общения.

Иностранный опыт, безусловно, является важным элементом сравнения, контрастным фоном, который позволяет более точно расставить положительные и отрицательные оценки собственным успехам и результатам. Однако, в этом отношении следует избегать опасности некритического заимствования зарубежных идей и практик. В настоящее время в юридической науке, в том числе и западной, сложилась ситуация, когда внутри ее предметного поля практически сведена на нет конкурентная борьба между идеями. А если она и присутствует, то в виде отрицания иной позиции как таковой.

Серьезная проблема для современной юридической науки состоит в том, что идеи зарубежных предшественников и современников анализируются не в

контексте их критического анализа и возможного диалога, а, как правило, в качестве образцов для подражания, опираясь на почти квази-религиозные утверждения о ценности какого-то взгляда и необходимости примкнуть к нему.

Перспективы реализма в западной юридической литературе обусловлены целым набором факторов, действующих не только конструктивно на совершенствование соответствующей философско-методологической стратегии, но и существенно искажающих ее содержание и эвристические возможности.

Сегодня отчетливо наблюдается тенденция к тому, чтобы редуцировать реализм в области юриспруденции до узкого ракурса, который не замечает перед собой ничего, кроме социальных и психологических фактов. Стремление же избежать соприкосновения с правовыми понятиями и идеями приводит к другой крайности, когда мысль о факте становится метафизической. Несущественными для современных «реалистов» зачастую признаются любые рациональные конструкции, а обращение с фактами преисполнено мистицизмом и гадательностью.

В заключении подводятся итоги проведенного исследования, обобщаются результаты разработки научной проблемы реализма в юриспруденции с точки зрения теоретико-методологических и исторических аспектов, сформулированы основные тезисы, отражающие обоснованные в исследовании подходы к решению обозначенной проблемы, выявляются основные направления дальнейшего освоения и научной разработки темы и проблематики реалистической парадигмы в юриспруденции и философии права.

Список работ автора по теме диссертации:

I. Статьи, опубликованные в изданиях, указанных в Перечне рецензируемых научных изданий ВАК при Минобрнауки России

1. Груздев В.С. Новый правовой реализм / В.С. Груздев // Право и политика. – 2019. – № 12. – С. 1–8. DOI: 10.7256/2454-0706.2019.12.31681 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=31681 (0,8 п.л.).

2. Груздев В.С. Об особенностях «нового правового реализма» / В.С. Груздев // Теория и практика общественного развития. – 2020. – № 1. – С. 107–110. <https://doi.org/10.24158/tipor.2020.1.17> (0,5 п.л.).
3. Груздев В.С. Об истоках правовых взглядов Р. Паунда / В.С. Груздев // Теория и практика общественного развития. – 2020. – № 8. – С. 98–101. <https://doi.org/10.24158/tipor.2020.8.14> (0,6 п.л.).
4. Груздев В.С. Сравнительное исследование институтов права: методологический аспект и проблема использования зарубежного опыта / В.С. Груздев // Общество: политика, экономика, право. – 2020. – № 8. – С. 81–84. <https://doi.org/10.24158/pep.2020.8.14> (0,6 п.л.).
5. Груздев В.С. Правовой реализм: проблема типологизации и трактовки / В.С. Груздев // Право и государство. – 2020. – № 10 (190). – С. 6–8. (0,7 п.л.).
6. Груздев В.С. Проблема методологии правового реализма / В.С. Груздев // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки humanities, social-economic and social sciences. – 2020. – № 8. – С. 57–60. DOI 10.23672/t8185-2993-6161-c (0,75 п.л.).
7. Груздев В.С. О характере американского классического правового реализма / В.С. Груздев // Право и политика. — 2020. – № 9. – С.15-22. DOI: 10.7256/2454-0706.2020.9.33566. URL: https://e-notabene.ru/plp/article_33566.html (0,75 п.л.).
8. Груздев В.С. Теоретический анализ понятия «юридическая практика» / В.С. Груздев // Аграрное и земельное право. – 2020. – № 9(189). – С. 6–9. (0,75 п.л.).
9. Груздев В.С. Критический анализ правовых взглядов Б. Таманахи / В.С. Груздев // Теория и практика общественного развития. – 2020. – № 9. – С. 47–50. <https://doi.org/10.24158/tipor.2020.9.7> (0,7 п.л.).
10. Груздев В.С. Правовой реализм в философии права Б.Н. Чичерина / В.С. Груздев // Общество: политика, экономика, право. – 2020. – № 10. – С. 68–71. <https://doi.org/10.24158/pep.2020.10.10> (0,7 п.л.).

11. Груздев В.С. Проблема генезиса американской юридической мысли / В.С. Груздев // Право и государство: теория и практика. – 2020. – № 12 (192). – С. 6–8. DOI: 10.47643/1815-1337_2020_12_6 (0,6 п.л.).
12. Груздев В.С. К вопросу об истоках правового реализма и некоторых направлениях его последующего развития / В.С. Груздев // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки humanities, social-economic and social sciences. – 2020. – № 11. – С. 66–69. DOI 10.23672/q8515-3040-6371-f (0,65 п.л.).
13. Груздев В.С. Иррациональность как атрибут правового реализма в оценках отечественных и зарубежных ученых конца XIX – начала XX вв. / В.С. Груздев // Теория и практика общественного развития. – 2020. – № 11. – С. 76–79. <https://doi.org/10.24158/tipor.2020.11.14> (0,6 п.л.).
14. Груздев В.С. У истоков возникновения юридической науки в США / В.С. Груздев // Аграрное и земельное право. – 2020. – № 10 (190). – С. 12–14. (0,8 п.л.).
15. Груздев В.С. Философско-методологические основания современного правового реализма / В.С. Груздев // Общество: политика, экономика, право. – 2020. – № 12. – С. 115–118. <https://doi.org/10.24158/pep.2020.12.19> (0,8 п.л.).
16. Груздев В.С. Онтология права в философско-правовой концепции В.С. Нерсесянца / В.С. Груздев // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки humanities, social-economic and social sciences. – 2020. – № 12. – С. 57–60. DOI 10.23672/i8423-0552-3208-q (0,85 п.л.).
17. Груздев В.С. Генезис, природа и специфика употребления реалистического подхода в истории правовой мысли США / В.С. Груздев // Юридические исследования. – 2021. – № 2. – С. 1–8. DOI: 10.25136/2409-7136.2021.2.35019 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=35019 (0,9 п.л.).
18. Груздев В.С. Исследование вопросов генезиса и эволюции американского юридического pragmatизма / В.С. Груздев // Теория и практика

- общественного развития. – 2021. – № 3. – С. 47–50.
<https://doi.org/10.24158/tipor.2021.3.8> (0,75 п.л.).
19. Груздев В.С. Психологическая концепция права П. Деларова / В.С. Груздев // Общество: политика, экономика, право. – 2021. – № 4. – С. 44–47.
<https://doi.org/10.24158/pep.2021.4.7> (0,75 п.л.).
20. Груздев В.С. Является ли философия прагматизма основой американского правового реализма? / В.С. Груздев // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки humanities, social-economic and social sciences. – 2021. – № 2. – С. 114–117. DOI 10.23672/y8833-1780-4061-c (0,85 п.л.).
21. Груздев В.С. Анти-рационалистические аргументы юридического прагматизма / В.С. Груздев // Право и государство: теория и практика. – 2021. – №5(197. – С.24-26. DOI 10.47643/1815-1337_2021_4_24 (0,65 п.л.).
22. Груздев В.С. Скандинавский правовой реализм/ В.С. Груздев // Аграрное и земельное право. – 2021. – №2(194). – С.61-64. DOI 10.47643/1815-1329_2021_2_61 (0,7 п.л.).
23. Груздев В.С. Деятельность как доминанта концептуального правового реализма / В.С. Груздев // Право и политика. – 2021. – № 6. – С. 30–44. DOI: 10.7256/2454-0706.2021.6.35799 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=35799 (1,2 п.л.).
24. Груздев В.С. Философско-методологические основания как ключевой элемент стратегии изучения познания права / В.С. Груздев // Право и государство: теория и практика. – 2021. – № 5(197). – С.27-30. DOI 10.47643/1815-1337_2021_5_27 (0,85 п.л.).
25. Груздев В.С. Психологический правовой реализм П.В. Деларова / В.С. Груздев // Юридические исследования. – 2021. – № 6. – С. 20–34. DOI: 10.25136/2409-7136.2021.6.35797 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=35797(1,25 п.л.).

II. Монографии

26. Груздев В.С. Реализм в юриспруденции: теоретико-методологический и исторический аспекты: монография / В.С. Груздев. – М.: ИГП РАН ; Саратов : Амирит, 2021. – 428 с. (24,88 п.л.).

III. Научные публикации в иных изданиях

27. Груздев В.С. Проблемы правового реализма в философской концепции М.К. Мамардашвили / В.С. Груздев // Политико-правовые аспекты реформирования российского законодательства: сборник статей Международной научно-практической конференции (1 декабря 2020 г., г. Омск). – Уфа, 2020. – С. 30–32. (0,4 п.л.).
28. Груздев В.С. Прагматизм как базовая гносеологическая установка в контексте становления американской юриспруденции / В.С. Груздев // Гуманитарный научный вестник. – 2021. – № 2. – С. 207–211. URL: <http://naukavestnik.ru/doc/2021/02/Gruzdev.pdf> <https://doi.org/10.5281/zenodo.4595993> (0,4 п.л.).
29. Груздев В.С. Искусственный мир как особая правовая реальность / В.С. Груздев // Социально-гуманитарные науки: современные парадигмы и исследования: сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции 27 мая 2021 г. – Белгород, 2021. – С. 37–41. (0,4 п.л.).
30. Груздев В.С. Борьба с метафизикой как лейтмотив скандинавского правового реализма (на примере творчества А. Хэгерштрёма) / В.С. Груздев // Научно-образовательный потенциал как фактор национальной безопасности: сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции 12 мая 2021 г. – Белгород, 2021. – С. 74–78. (0,52 п.л.).
31. Груздев В.С. Французский социологический (социально-позитивистский) правовой реализм / В.С. Груздев // THEORIA: педагогика, экономика и

- право. – 2021. – № 2 (3). – С. 59-69. DOI: 10.51635/27129926_2021_2_59 (0,8 п.л.).
32. Груздев В.С. Правовая онтология в контексте субъектоцентристской традиции философии права / В.С. Груздев // Гуманитарный научный вестник. - 2021. - № 4. - С. 119-123 URL:<http://naukavestnik.ru/doc/2021/04/Gruzdev.pdf> <https://doi.org/10.5281/zenodo.4769150> (0,45 п.л.).
33. Груздев В.С. Перспективы реализма в современной философии права и теории права / В.С. Груздев // Мировые тенденции развития науки, образования, технологий: сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции 11 июня 2021г. - Белгород, 2021. – С. 54-57. (0,65 п.л.).
34. Груздев В.С. Задачи и характер юридической науки в контексте психолого-правового реализма А. Росса / В.С. Груздев // Гуманитарный научный вестник. - 2021. - № 4. - С. 175–179. URL: <http://naukavestnik.ru/doc/2021/04/Gruzdev.pdf> <https://doi.org/10.5281/zenodo.4769182> (0,5 п.л.).